

А. Лома

К ПРОБЛЕМЕ РАННЕСЛАВЯНСКИХ ИРАНИЗМОВ*

С учетом диалектного членения в составе древне- и средне-иранских языков можно выделить, по меньшей мере, два пласта праславянских иранизмов — древний скифский и поздний сарматско-аланский. Характерные черты последнего являются менее спорными, поскольку не вызывает сомнения тот факт, что у языка древних сарматов и аланов есть современный потомок — осетинский язык. В данной работе мы сосредоточимся на одном историко-географическом сегменте славяно-иранских языковых контактов, истоки которых предположительно восходят к междуречью Дуная и Тисы первой половины I в. н. э., когда там поселилось сарматское племя языгов, сохранившее независимость и после завоевания Дакии Траяном, так что эта область в течение двух столетий представляла собой выступ варварского мира, клиновидно вытянутый в глубину Римского царства, с севера примыкающий к среднему Дунаю. В предшествующих работах нами уж было выдвинуто предположение о том, что какая-то географическая информация о среднем Подунавье могла попасть праславянам в Закарпатье через языгское посредство, в частности, имена рек Тисы и Савы (*Tīša* > *Tīsa*, с характерным для сарматско-аланского переходом *š* > *s*; *Sāvo-* > *Sāva* с продлением корневого гласного под влиянием сарматского прилагательного **sāva-* > осет. *saw* ‘черный’, ср. у Иордана гидроним *Aqua Nigra*, относящийся, по всей вероятности, к Саве)¹. Название племени, в латинской передаче *lazyges*, *Iāzūges*, должно было быть знакомо славянам. Возможно, что серб. *Jāzak*, род. *Jāска*, название деревни и монастыря в Среме, хотя и засвидетельствовано только с XVI в.², восходит к позднепраславянской форме их имени: **(selo, vьsь) Jazьgь* (род. мн. ч.) ‘поселение языгов’³, если допустить, что славяне там застали остатки языгов, переселившихся по то сторону Дуная, в пределы римской провинции Нижней Паннонии, и обозначили их именем, звуковой вид которого (сохранение начального *j-*)

* Работа выполнена в рамках проекта № 178007 «Этимологические исследования по сербском языке и выработка Этимологического словаря сербского языка», финансируемого Министерством образования и науки Республики Сербии.

указывает на то, что оно не было заимствовано ими у романских туземцев, а принесено из прежней родины⁴.

Должно быть, присутствие иранских кочевников и отсутствие римской власти в потисском коридоре в первые столетия нашей эры благоприятствовало раннему проникновению славян с верховьев Тисы в Паннонский бассейн. Вполне допустимо, что некоторые топонимические и этнографические архаизмы, пережившие в Банате тысячелетнее господство венгров, восходят к этому времени⁵. До сих пор неизвестно, из каких этнических элементов состояло оседлое земледельческое население земли языгов. Источники четко отличают их от основного доминирующего, по видимому, ираноязычного пласта, состоящего из кочевых скотоводцев. Последние определены Аммианом как «свободные (*Liberi*) сарматы», первые — как их «рабы (*Servi*)»; более того, в языке «свободных сарматов» существовало особое прозвище для «рабов», в латинской передаче *Limigantes*. Ср. *Amm. Marc., Res gestae XVII, 13, 1* (пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни):

His, ut narratum est, secundo finitis
eventu ad Limigantes Sarmatas
servos ocius signa transferri
utilitas publica flagitabat, quos erat
admodum nefas inpune multa et
nefaria perpetrasse. nam velut obliti
priorum tunc erumpentibus Liberis
ipsi quoque tempus aptissimum
nanti limitem perripere Romanum,
ad hanc solam fraudem dominis suis
hostibusque concordēs.

После благополучного окончания описанных предприятий интересы государства требовали скорейшего похода против лимигантов, сарматов-рабов: отсутствие наказания их за многие преступные деяния являлось прямым позором. Когда вторглись сарматы-свободные, то они, словно забыв о прежнем, воспользовались удобным моментом и прорвались через римскую границу, проявляя согласие со своими господами и врагами только в этом преступном предприятии.

Представляется вполне убедительным анализ названия *Limigantes* как сложного слова, где в качестве второго члена выступает др.-иран. **kanθā-* ‘здание, поселение, город’ > осет. *kænt*, сак. *kanthā*, и т. д. (см. ниже), с закономерными для сарматско-аланского фонетическими преобразованиями (озвончение *-k-* между согласными, *nθ* > *nt*, тогда как результатом исконного *nt* было бы *nd*)⁶. Учитывая сарматско-аланский переход *ri* > *li*⁷,

можно сравнить первый компонент *limi-* с др.-иран. **r(a)im-* в авест. *irimant-* ‘грязный’, хс. *rrīma* ‘фекалии, грязь’, афг. *rāma* ‘понос’, нов.-перс. *rīm* ‘гной’⁸. Сарм. **limī-* возводимо путем монофтонгизации к местному падежу *ā*-основы **rimāi*. Др.-иран. **rimāi-kanθā-* толкуется как бахуврихи: «чья дома в навозе, помете», насмешливое обозначение кочующими в кибитках скотоводами оседлых земледельцев, живших в землянках вместе со скотом, пометом, используемом для обмазывания стен в жилищах⁹. Такой способ обитания является реалией, распространенной по всему миру, и, следовательно, общим местом в этнографических описаниях с античной эпохи. Ксенофонт сообщает, что армяне жили в подземных помещениях вместе со скотиной (Xenoph. Anab. IV 5, 25, пер. М. И. Максимовой, М. 1951):

αἱ δ' οἰκίαι ἦσαν κατάγειοι, τὸ μὲν στόμα ὡσπερ φρέατος, κάτω δ' εὐρεῖαι. αἱ δὲ εἰσοδοὶ τοῖς μὲν ὑποζυγίοις ὄρουκται, οἱ δὲ ἄνθρωποι κατέβαινον ἐπὶ κλίμακος. ἐν δὲ ταῖς οἰκίαις ἦσαν αἶγες, οἶες, βόες, ὄρνιθες, καὶ τὰ ἔκγονα τούτων τὰ δὲ κτήνη πάντα χιλῶ ἔνδον ἐτρέφοντο.

Дома здесь были подземные, с верхним отверстием наподобие отверстия колодца, но широким внизу. Впуски для скотины были вырыты в земле, а люди спускались вниз по лестнице. В домах находились козы, овцы, коровы и птицы со своими детенышами, весь скот питался в домах сеном.

Согласно Страбону «...дарданцы были совершенно дикими, так что вырывали пещеры под навозными кучами и там жили...»¹⁰. В отношении причерноморских племен Эфор замечал, что киммерийцы жили в землянках, которые назывались «аргиллами»¹¹, а в описании Вергилия скифы вырывают проходы и проводят досуг глубоко под землей (Verg. Georg. III 376–378, перевод С. В. Шервинского):

[Scythiae gentes Maeotiaque unda]
 ipsi in defossis specubus secreta
 sub alta
 otia agunt terra, congestaque
 robora totasque
 aduoluerе focus ulmos ignique
 dedere.

[там, где скифы живут, где Мэотики воды]
 Сами ж, проходы нарыв, спокойно проводят досуги
 Там, глубоко под землей; дубов ната-скают и целых
 Вязов к своим очагам и сжигают на пламени дымном.

Следовательно, предполагаемую нами этимологию можно подкрепить с типологической стороны. Бинарная оппозиция *кочевники — оседлые* является устойчивым топосом античной этнографии, особенно в отношении к той части Евразии, которая была заселена в древности скифско-сарматскими племенами. Противопоставление двух этнокультурных моделей происходило не только в зоне контактов древних иранцев с инородными племенами, а также и внутри самого древнеиранского общества, самым ранним свидетельством чего является, видимо, реформа Заратустры, направленная на защиту оседлых скотоводов и земледельцев от кочевников, говоривших на диалектах того же древнеиранского языка. Более того, в мировоззрении кочевников кочевничество связывается с господством, а оседлая жизнь — с рабством¹². Это противопоставление двух пар понятий нашло свое отражение в античной этнографии, ср. то место «Естественной истории» Плиния Старшего, где речь идет о племенах северного Причерноморья (Plin. Nat. hist. IV 12, 80, перевод Ф. В. Шелова-Коведяева):

Ab eo in plenum quidem omnes Scytharum sunt gentes, varie tamen litori adposita tenuere, alias Getae, Daci Romanis dicti, alias Sarmatae, Graecis Sauromatae, eorumque Namaxobii aut Aorsi, alias Scythae degeneres et a servis orti aut Troglodytae, mox Alani et Roxolani.

От него [Данувия], притом во множестве, суть все племена скифов, однако они различно владеют прилегающими к взморью [пространствами]; в ином месте геты, называемые римлянами даками, в ином сарматы [называемые] греками савроматами, и из них гамаксобии или аорсы, в ином скифы низкого происхождения, рожденные от рабов, или троглодиты, затем аланы и роксоланы.

Здесь два греческие названия противопоставлены друг другу: Ἀμαξόβιοι ‘живущие в повозках’, применяемое, очевидно, к свободным и господствующим сарматам, и Τρωγλοδίται. Последнее буквально значит «вползающие в норы» и изначально обозначает таких животных, как лисы или змеи, но применялось греками также по отношению к народам, стоявшим на низкой степени культуры, жившим в землянках или пещерах, ср., в частности, использование Геродотом этого названия в качестве обозначения эфиопского племени. Причерноморских троглодитов надо

отождествить с крымскими сатархами-тафрими, о которых Помпоний Мела сообщает что они, «закапывая в землю свои жилища, живут в пещерах или землянках»; их рабское происхождение выводится из легенды, записанной Геродотом, о войне между скифами и потомками их рабов. Из формулировки Плиния *Scythae degeneres et a servis orti aut Trog(l)odytae* явствует, что способ жизни сатархов ассоциировался с низким положением, подчинением, незаконным происхождением. Нет сомнения, что эта взаимосвязь восходит к представлениям скифов и сарматов-кочевников, Вероятно, греческие описательные прозвища причерноморских племён *амаксовии* и *троглодиты* являются более или менее верными кальками ираноязычных самоназваний или (насмешливых) экзонимов, так как, пожалуй, греч. *Μελάγχλαινοι* передает *sāwdarata-*, οἱ βασιλῆιοι Σκύθαι — *paralāta-* или, по нашему предположению, *νομάδες Σκύθαι* — *kačara-*, *Καλλιπίδαι* — *havasya-*, *Ворυσθενεῖται Σκύθαι* — **varu-skula-*¹³.

Куда поместить, в данной дихотомии, древних славян? У Плиния впервые выделяется под именем венедов праславянский этнос, который находится на стыке макроэтнонимов «сарматы» и «германцы». Из этого вытекает, что и самое ранее этнографическое описание славян в 46. главе «Германии» Тацита продиктовано противопоставлением предпочитаемого им германского образа жизни сарматскому. Причиной, по которой Тацит причисляет венедов к германцам, а не к «живущим в повозке и на коне» сарматам, которым он приписывает большое влияние на венедский быт, являются их военные обычаи, прежде всего главная роль пехоты в боевых действиях. Но обсуждая с этой же точки зрения певкинов или бастарнов, он впадает в своего рода противоречие, когда пишет (Tac. Germ. IV 46, перевод А. С. Бобовича):

Peucinatorum Venethorumque et Fennorum nationes Germanis an Sarmatis ascribam dubito, quamquam Peucini, quos quidam Bastarnas vocant, sermone, cultu, sede ac domiciliis ut Germani agunt. Sordes omnium ac torpor procerum.

Я колеблюсь, причислить ли народ певкинов, венетов и феннов к германцам или сарматам. Впрочем, певкины, которых некоторые называют бастарнами, в отношении речи, образа жизни, мест обитания и жилищ ведут себя как германцы. Все они живут в грязи, а знать в бездействии.

Эллипсис выражения *sordes omnium ac torpor procerum* объясняется ссылкой Тацита на им уж сказанное, в 16 и 20 главе, о германцах:

(16) Solent et subterraneos specus aperire eosque multo insuper fimo operant, suffugium hiemis et receptaculum frugibus (20) In omni domo nudi ac sordidi in hos artus, in haec corpora, quae miramur, excrescunt. sua quemque mater uberibus alit, nec ancillis ac nutricibus delegantur. dominum ac servum nullis educationis deliciis dignoscas: inter eadem pecora, in eadem humo degunt, donec aetas separet ingenuos, virtus agnoscat ...

(16) У них принято также устраивать подземные ямы, поверх которых они наваливают много навоза и которые служат им убежищем на зиму и для хранения съестных припасов (20) В любом доме растут они голые и грязные, а вырастают с таким телосложением и таким станом, которые приводят нас в изумление. Мать сама выкармливает грудью рождённых ею детей, и их не отдают на попечение служанкам и кормилицам. Господа воспитываются в такой же простоте, как рабы, и долгие годы в этом отношении между ними нет никакого различия: они живут среди тех же домашних животных, на той же земле, пока возраст не разделит свободнорождённых, пока их доблесть не получит признания.

Упоминание жизни в грязи и среди домашних животных как будто противоречит в основном положительному и даже идеализируемому описанию германцев у Тацита. Кажется возможным, что здесь вмешались стереотипы кочевнического мировоззрения, отраженные в каком-то источнике «Германии». Данный стереотип приложим и к древним славянам, так что название *Limigantes*, если оно нами правильно истолковано, могло относиться не только к ним, но и к любому доиранскому или даже иранскому населению юго-восточной части карпато-паннонского бассейна¹⁴.

Теперь надо более подробно остановиться на второй части анализируемого нами сложного слова *Limi-gantes*. Осет. ирон. слово *kænt* ‘здание’ является гапаксом, отмеченным только в переводе Евангелия, опубликованном в Тифлисе в 1864 году, а именно в евангелии от Марка 13, 1, где множественное число

kæntytae передается цслав. *зданїа*, греч. οἰκοδομαί; в последующих переводах оно заменяется обычным синонимом *aǵystytae*. Осет. *kænt* возводится к др.-иран. **kanθā-*, отраженному в сак. *kanthā-*, согд. *knθh-*, ягн. *kant*, все в значении 'город', нов.-перс. *kand* 'деревня', афг. *kandai-* (< **kanθaka-*) 'квартал'¹⁵. В ареальном отношении слово — только восточноиранское, если считать нов.-перс. *kand* заимствованием из согдического, а др.-инд. *kanthā-* ж.р., *kantha-* ср.р. 'город' иранизмом. Правда, со фонетической стороны ничто не мешает признать древнеиндейское слово исконным и возвести его к уже индоиранскому архаичному производному с суффиксом **-tho-*. На иранское происхождение слова указывает тот факт, что оно засвидетельствовано только грамматиками (Панини) и в топонимике северо-западной Индии, напр. нов.-перс. *Āhvara-kāntham*, *Dākṣi-kanthā*¹⁶. Но это обстоятельство может отражать не ареал сравнительно позднего заимствования, а распространение древней строительной модели, принесенной индо-ариями из их прародины и быстро покинутой ими территории Индийского подконтинента.

Как бы то ни было, слово из восточноиранского распространилось в тюркские языки, азерб., уйг., кыпч. *kānt*, половецк. *kent* 'город, селение'. Оно наложило свой отпечаток на топонимию Средней Азии, ср. *Таш-кент*, *Пенджикент*, *Чим-кент*, *Самарканд*, *Ко-канд*, *Яр-кент*; эти словосложения возникли одни в иранской среде (напр. Самарканд, др.-греч. Μαρακάνδα < согд. **Asmara-kandha-* 'каменный город', другие — в тюркской (напр. Таш-кент то же)¹⁷. Представляется правильной этимология от *kap-* 'копать', принятая Абаевым, который предполагает, что «имелось в виду укрепленное, окруженное рвом и стеной поселение»¹⁸. Действительно, ров, ограничивающий укрепленное или неукрепленное поселение, является характерным признаком поселений срубной и андроновской культур бронзового века, распространенных в степном и лесостепном поясе Евразии от Днепра на западе до западной Монголии и северо западного Китая (Синцзяна) на востоке, носителей которых археологи соотносят с древними индоиранцами. Андроновские поселения состояли в основном из больших прямоугольных полуземлянок, тип которых предположительно пережил переход к кочевничеству на рубеже II и I тыс. до н. э.; он засвидетельствован в скифско-сарматском мире и сохранился до сих пор в южной Осетии, в Таджикистане и на Памире¹⁹.

Ряд слов в славянских и финно-угорских языках, а именно

с.-хорв. диал. *kōt* ‘закут для домашних животных’, ст.-чеш. *kot* ‘будка, лавка (рыночная)’, цслав. *котьць* ‘клетка, отделение’, укр. *xáma* ‘дом, изба, хижина’, польск., словац. *chata*, венг. *ház* ‘дом’, фин. *kota* ‘жилище, палатка, юрта’, эст. *koda* ‘дом’, с разной степенью вероятности относятся к заимствованиям из древнеиранского **kata-*, получившего отражение в авест. *kata-* ‘комната, кладовая, погреб’, нов.-перс. *kad*. Этимология древнеиранского слова вызывает споры. Некоторые исследователи возводят это слово к **knta-* ‘выкопанное (в земле)’ и относят к корню др.-перс., авест. *kan-* ‘копать’²⁰. Однако эта интерпретация сопряжена с некоторыми трудностями. Во-первых, речь идет о сет-корне, потому ожидалось бы др.-иран. **kāta-* < **kñHto-*, точно так же, как и.-е. **gʰnH₁-to-* имело своим результатом авест. *zāta-*, др.-инд. *jātá-*²¹. Действительно, ожидаемая словоформа отражена в древнеиндийском причастии страдательного залога прошедшего времени *khātá-* к *KHANⁱ* ‘копать’, которому вполне соответствовало бы слово *xáma*, впрочем, считаемое более поздним заимствованием по отношению к **kоть*. Особой проблемой является расхождение в анлауте между древнеиндийским и древнеиранским словами. Преобладает мнение, что глухой придыхательный в древнеиндийском вторичного происхождения, так что Трубачев, возводя слав. **xata* к **kata-*, объясняет **x-* славянской формы развитием спирантизации *k > x* в ряде восточноиранских языков²², не учитывая при этом древнеиндийское *kh-* в том же корне, хотя отождествление **xata = khātá-* можно было бы интерпретировать в рамках его гипотезы о индоарийском языковом субстрате северного Причерноморья²³. Недавно нами было выдвинуто предположение о том, что скифское племенное название *Αὐχάται*, относящееся к потомкам Липоксая, имя которого толкуем как **Dvīpa-xšaya-* ‘владелец полуострова, т. е. Крыма’, восходит к др.-иран. **ava-xāta-* ‘копанием, т. е. рвом отделенные’ и передает геродотовское οἱ ἐν τῷ τάρῳ Σκύθαι κατοικημένοι (Hdt. IV 28). Там же мы попытались объяснить название соседнего племени синдов у Стефана Византийского *Τραυχένοι* как обозначение скифов, живущих по ту сторону рва, др.-иран. **^rrah-avakany-a-*, ср.млд.-авест. *tarō*, вед. *tirás*, ср.-перс. *tar* ‘через, по ту сторону’ и млд.-авест. *avakaini-* ‘ров’ < др.-иран. **ava-kani-*. Принять вариант скиф. **ava-xani-* все-таки мешают в анлауте испорченная форма *Γραυκένοι* у Аполлония Родосского и тот факт, что нарушенный алфавитный порядок в словаре Стефана восстанавливается эмендацией *Τραυχένοι* в **Γραυκένοι*²⁴. Итак, при-

надлежность слав. **xata*, венг. *ház* к индоиранскому корню **k(h)anH-* ‘копать’ вероятна, а что касается авест. *kata-*, то его можно отнести сюда только при условии допущения утраты в нем ларингального. Возможны, кстати, иные толкования, из которых самой большой популярностью пользуется сравнение с гот. *hēþjō* ‘комната’ и др.-греч. ἰκτωλή ‘горшок, миска, чашка’²⁵ (и.-е. **kot-/kēt-?*); в этом случае, отношение между иранским словом и слав. **kotь*, **kotьсь* могло бы быть интерпретировано как прародство, но славянское слово этимологизируется и отдельно от древнеиранского, в связи с **kotiti*²⁶ или как производное от и.-е. **kat-* ‘плести’ (ЭССЯ 11, 202, 212).

Особняком стоит осетинское слово ирон. *xəzar*, дигор. *xəzaræ* ‘дом, сакля, жилище’, которое Абаев склонен возвести к словосложению с первым членом **kata*²⁷. Более правдоподобной представляется исходная словоформа др.-иран. **ka-čara-*, предполагаемая нами для скифского этнонима Καταροι = βομαδες Σκυθαί, ср. др.-инд. *ku-cará-* ‘движущийся, бродящий’ (см. выше), если исходить из предпосылки, что аланы, перешедшие к оседлому образу жизни, перенесли на новый тип жилища название тех кибиток, в которых, согласно Аммиану Марцелину, они жили и которые перевозили их по степям²⁸.

Что касается праславянского **kǫtja*, реконструируемого на основе болг. *къща*, с.-хорв. *кућа*, словен. *koča*, вост.-слав. *куча*, то, насколько нам известно, на его возможную связь с осет. *kænt* из др.-иран. **kanθā-* впервые указано нами семь лет тому назад²⁹. По-разному этимологизировалось слово на славянской языковой почве, но на сегодня можно считать неустаревшими две конкурирующие между собой гипотезы, одна из которых относит его к **kǫtati* ‘убирать, прятать’, а другая — к **kǫть* ‘угол’. Последнюю этимологию принял и интерпретировал О.Н. Трубачев, указывая на приблизительное совпадение ареалов слова **kǫtja* и древних землянок и полуземлянок с очагом, размещенным в углу, что характерно для склавино-антской, но не для венедской территории, т. е. составляет особенность юго-восточных областей позднеантичной и раннесредневековой Славии, за исключением ее северо-запада³⁰. Этой блестящей интерпретацией все-таки не поставлена точка в дискуссии. Предположительно лежащее в основе слово **kǫть* трудно отделимо от галло-романского **canto-*, отраженного в ст.-франц. *cant*, ит. *canto*, распространившегося в германские языки (ср. нем. *Kante, Kanten, Kanton*). Возможность вывести из него **kǫtja* вряд ли является доказательством

исконности этого термина строительства. Тем самым следует еще принимать во внимание этимологию, выводящую **kǫtja* из **kǫtati*, тем более, что у померанских славян средневековыми латинскими источниками засвидетельствовано слово *contina*, по-славянски — **kǫtina* или **kǫtǫna* ‘кладовая, сокровищница, ризница’, возводимое, по видимому, к этому корню и как будто подкрепляющее общеславянский характер слова **kǫtja*. Есть ли необходимость как равноправной в третьей возможности иранского происхождения слова? По нашему мнению — такая необходимость существует, поскольку есть вероятность того, что в языке, соседившем с праславянским и оказывавшем влияние на него в эпоху, к которой восходит слово **kǫtja*, существовало что-то фонетически и семантически совсем близкое. Если на основе осетинского *kænt* и языгского *Limigantes* допустим существование в языке сарматов, соприкасавшихся со славянами в первые века нашей эры, связи слова **kantā-* ‘поселение, город; здание’ то тогда с точки зрения культурной истории связь его с **kǫtja* кажется вероятной. Привлекает внимание производный характер славянского слова по отношению к иранскому. Можно исходить из иранского прилагательного с йотовым суффиксом принадлежности: **kanθya-* в значении ‘дом, находящийся в поселении, окруженного рвом’ (**kanθā-*)). Или учитывая тот факт, что исходное слово в сарматском, по-видимому, обозначало не поселение, а отдельное здание, можно допустить, что *-ja* здесь представляет собой славянское расширение заимствованной основы без изменения значения, как в праслав. **krosna* : **krošnja, lěska* : *lěšča*³¹. В этом случае ареал слова на славянской почве объяснялся бы его проникновением через славянско-иранскую контактную зону в северном Причерноморье и Подунавье.

на (само)название «свободных» сарматов, предположительно являющееся по отношению к нему вторичным антонимом, которое упоминает Иероним (*Hieronymi Chronicon* s. A. D. 337, перевод наш):

<p>Sarmatae Limigantes, dominos suos, qui nunc Arcaragantes vocantur³², facta manu, in Romanum solum expulerunt</p>	<p>Сарматы Лимиганты, собрав силы, изгнали своих господ, ныне называемых Аркарагантами, на римскую территорию</p>
--	---

Как и в случае с *Limigantes*, этот этноним также толковали по-разному. Заметим, между прочим, что оба названия связывали с

раннеславянским этнонимом *анты* (гр. Ἀντες, Ἀνται)³³. Наше толкование первого имени с выделением в нем *-gantes*, противоречит членению *Limig-antes*, *Arcarag-antes*³⁴, но оно не исключает связи с именем антов. Возможно, что элемент *анты* возник в результате гипокористического сокращения *Limigantes*, *Arcaragantes*, подобно тому, как имя нижнедунайских гетов (Γέται) выводится из скифских этнонимов типа Θυσσαῦέται, Турεῦέται, Μασσαῦέται, общее окончание которых *-ῦέται* толкуется не как самостоятельная лексема, а как контаминация др.-иран. **(a)ka-* и **-t(v)a*³⁵. Как бы то ни было, довольно привлекательная этимология, принимаемая Пекканеном³⁶, исходящая из словоформы *Ardaragantes*, относящая ее к *ardarag-* < *ardar-aka-*, сарм. ИС Ардараκος, от **ardara-* > осет. *ældar* ‘господин, князь’, не дает удовлетворительно объяснения конца слова. Если и там речь идет о **kanθa-* ‘дом’, в *arkara-* / *argara-* / *ardara-* можно прежде всего искать какое-то слово для ‘кибитки’.

Примечания

¹ Loma A. Serbisches und kroatisches Sprachgut bei Konstantin Porphyrogenetos // Сборник радова Византолошког института 38/1999–2000: 87–161 (105–106); Он же Die Donau(en) des slavischen Volksliedes und die frühen Kenntnisse der Slaven über den Donauraum // Kontinuität und Diskontinuität entlang der Donau — Quellen zur Geschichte des Umbruchs von der Antike zum Mittelalter, Internationale Tagung, Wien, 25–26 Mai 2009 (в печати).

² 1522: Лаврѣнтіе, расод(ерь) язачки; 1577: въ мѣсто глаголкеми Язакъ. См.: Стојановић Љ. Стари српски записи и натписи I, Београд 1902, № 448, 734.

³ Отождествить этот топоним с уменьшительной формой существительного *jâz*, серб. *jâzak*, *jâska*, трудно, так как она плохо засвидетельствована, отличается ударением и, насколько нам известно, не встречается в топонимии. Ср. PCA 8, 524. Следует только допустить, что конец имени изменился под влиянием деминутивов на **-ъкъ*, ср. серб. *мозак*, *мозга* < праслав. **mozgъ*.

⁴ То же самое относится к прасл. **Trojanъ* отражающему имя римского императора Траяна, завоевателя Дакии, которое славяне, как можно думать, услышали уже в своей закарпатской прародине од убежавших к ним даков: *Loma*, Die Donau(en) ... (см. прим. 1).

⁵ Ср. Лома А. Словенски именски слојеви у Банату: преглед досадашњих налаза и преостала питања // М. Матицки, В. Јовић (ред.), Банат кроз векове, Београд, 531–544.

⁶ Ср. Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки, М. 1979, 272–364 (330–332, нов.-перс. сарм. *Navarog*, осет. *пæвæг* ‘новый (тоже имя собств.)’ < **navaka-*, Φανδ-αράζος, осет. *fændag* ‘дорога’ < **pant-āka-*).

⁷ Ср. там же, 334 (Λειμῶνας, осет. *limæn* «друг» < *friman-*); Абаев 2, 44–45 (осет. ирон. *lʒun, lyǵd*, дигор. *le zun, liǵd* ‘убегать’ < др.-иран. **raič-*; развитие произошло в деерпричастии прошедшего времени / **rik-tá-*).

⁸ Ср. *Bailey H. W. Dictionary of Khotan Saka, Cambridge 1979, 363–364; Morgenstierne G. A New Etymological Vocabulary of Pashto, compiled and edited by J. Elfenbein, D. N. MacKenzie and N. Sims-Wiliams, Wiesbaden 2003, 70.*

⁹ Из прежних попыток объяснения имени *Limigantes*, истолкование его из лат. *limes, limitis* и *gens, mn. gentes* в значении ‘пограничные племена’ как будто нравится историкам (ср. недавно *Колосовская Ю. К.* Рим и мир племен на Дунае I–IV вв. н. э. М., 2000, 142, 144–145), но с языковедческой точки зрения вряд ли приемлемо. Только два сложных слова с первым членом *limi-* засвидетельствованы в латинском языке, оба в поэтических сочинениях Авсония, *limi-cola limi-genus*, но в обоих случаях реч идет о родительном падеже слова *limus* ‘ил, муть, грязь’, т. е. ‘обитатель ила (об устрицах)’, ‘рожденный в иле (о тростнике)’ соответственно. Что касается сравнения с осет. *lætæǵ* см. ниже. Книга *Буданова В. П.* Готы в эпоху Великого переселения народов (СПб. 1999, 221), в которой предложена попытка объяснения из германского, оказалась мне недоступной.

¹⁰ Strabo VII 5, 7: ἄγριοι δ' ὄντες οἱ Δαρδάνιοι τελέως, ὥσθ' ὑπὸ ταῖς κοπρίαις ὀρύξαντες σπήλαια ἐνταῦθα διαίτας ποιεῖσθαι. Перевод Г. А. Стратановского, М. 1964.

¹¹ Strabo V 4, 5: Ἐφορος δὲ τοῖς Κιττηρίοις προσοικειῶν τὸν τόπον φησὶν αὐτοὺς ἐν καταγείοις οἰκίαις οἰκεῖν ἄς καλοῦσιν ἀργίλλας.

¹² Ср. *Holzer G. Namen skythischer und sarmatischer Stämme // Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften 125/1988, 193–213 (203–204), Huysse Ph. Vorbemerkungen zur Auswertung iranischen Sprachgutes in den Res Gestae des Ammianus Marcellinus // Medioiranica (= Orientalia Lovaniensia Analecta 48), Leuven 1993, 87–98 (96)*, где оппозиция между свободными, господствующими Сарматами — Аркарагантами и их рабами Лимигантами интерпретируется как универсалия в общественном строе европейских иранцев, со ссылкой на геродотовские Σκύθαι ἐλεύθεροι (βασιλῆοι) : Σκύθαι δοῦλοι.

¹³ См. *Loma A. Skythische Lehnwörter im Slavischen. Versuch einer Problemstellung // SEB 1: 333–350 (341), Он же* Из топонимии древней Скифии — в поисках страны будинов // *ВО 2010 № 1 (8), 5–17 (13), Он же* Namenkundliches zur skythischen Abstammungssage // *SEC 16/2001, 75–92 (81–82).*

¹⁴ Примечательно, что этническое самосознание славян, судя по данным их языка, сложилось прежде всего в оппозиции к германцам („немцы“, „чужие“), пожалуй, не к балтам или иранцам.

¹⁵ Абаев 1, 579, ср. *Cheung J. Studies in the Historical Development of the Ossetic Vocalism, Wiesbaden 2002, 197; Bailey* указ. соч. 51, *Morgenstierne* указ. соч. 39. *Эдельман Д. И.* Этимологический словарь иранских языков. Т. 4. М., 2011, 347–348.

¹⁶ *Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen I, Heidelberg 1956, 151.*

¹⁷ Абаев: там же; Фасмер 3, 553; 4, 31.

¹⁸ Бейли i.c. ошибочно выводит **kanθā-* из мнимого корня **kan-* ‘to cover’, к которому якобы восходят осетинские слова ирон. *aǵ yndyn* «крыть (здание)», *aǵ yst* «помещение, здание, строение, дом», хотя сам на другом месте, на которое даже ссылается (стр. 38 s.v. *uysgun-*), правильно возводит одни и те же слова к **gaud-* / *gud-* ‘to cover’, ср. Абаев 1, 38–39, *Morgenstierne* указ. соч. 8 s.vv. *ayund-*, *ayust-*.

¹⁹ Kuz'mina E. E. The Origin of the Indo-Iranians, Leiden/Boston 2007, 31–60. На основе этого типа возникли юртоподобные жилища характерные для начала железного века в евразийских степях, связанные с развитием номадизма (там же 60–66).

²⁰ Абаев В. И. Проблемы индоевропейского языкознания, М. 1964, 115 и след.; Трубачев О. Н. Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология 1965, 3–81 (41–42); ЭССЯ 8, 21–22; 11: 211–212.

²¹ Ср. Mayrhofer M. Die Fortsetzung der indogermanischen Laryngale im Indo-Iranischen (= Sitzungsberichte der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Klasse, Bd. 730), Wien 2005, 95–96.

²² ЭССЯ 8, 21.

²³ Его труды на эту тему собраны в: Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье, М. 1999.

²⁴ Loma A. Namenkundliches ... (см. выше прим. 13) 80–81.

²⁵ Неясно, из какого источника Гамкрелидзе Т. В. и Иванов В. В. (Индоевропейский язык и индоевропейцы, Тбилиси 1984, (т. 2) 932) взяли значение 'пещера'.

²⁶ Ср. ЭССЯ 11, 202, 212; Топоров В. Н. О праславянском *kot- // ВСЯ 6/1962, 172–176.

²⁷ Абаев 4, 159–161.

²⁸ Amm. XXXI 2, 18: plaustris supersidentes, quae operimentis curvatis corticum per solitudines conferunt sine fine distentas «живут в кибитках, покрытых согнутыми в виде свода кусками древесной коры, и перевозят их по бесконечным степям» (перевод Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни, Киев 1906–1908).

²⁹ Лама А. Прасловенска лексика и култура у индоевропском контексту // Лингвистичке свеске 4, Нови Сад 2004, 15–42 (22–23).

³⁰ Die urslawische Lexik und die Dialekte des Urslawischen // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung 34/1981, 468–478 (477); ЭССЯ 12, 70–74.

³¹ Ср. Slawski Fr. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego (1) // SP 1: 43–141 (82).

³² Разнотчения в рукописях Хроники *argaragantes*, *ardaragantes*, ср. Helm R. Eusebius Werke 7: Die Chronik des Hieronymus, Berlin, 1984.

³³ Здесь не будем обсуждать разные этимологии этого имени. Для их обзора, ограничимся некоторыми ссылками: Фасмер 1, 376 s.v. вятичи; Lowmiański H. Początki Polski I, Warszawa 1963, 405–407; Pekkanen T. The ethnic origin of the Doulóstorot, Helsinki 1968, 130–131; Трубачев О. Н. Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // ВЯ 1977/6, 13–29 (24–25) = Он же Indoarica ... (см. выше прим. 23), 42–60 (54–55); Schramm G. Ein Damm bricht. Die römische Donaугrenze und die Invasionen des 5.–7. Jahrhunderts im Lichte von Namen und Wörtern, München 1997, 178–181.

³⁴ Pekkanen T. указ. соч. 141; Он же On the oldest relationship between Hungarians and Sarmatians: From Spali to Aspali // Ural-Altäische Jahrbücher, 45/1973, 11–15.

³⁵ Kretschmer P. Zum Balkan-Skythischen // Glotta 24/1935, 1–56 (42–43); ср. Det-schew D. Die thrakischen Sprachreste, Wien 1957, 103–105, Абаев, Скифо-сарм. нар. 338–339;

³⁶ Она, кажется, восходит к Хармагте, который одновременно объяснял *Limigantes* из осет. *læmæǰ* «слабый, мягкий, податливый», но точной ссылкой дать не могу. Статья его «Iranier, Germanen und Römer im Mittleren Donaubecken», на которую сам ссылается в свое книге *Harmatta J. Studies in the History and Language of the Sarmatians* (= Acta Universitatis de Attila József nominatae, Acta Antiqua et Archaeologica, t. XIII), Szeged 1970, 101, найти не удалось.